

ИЗ ИТАЛЬЯНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Н. А. Богомолов

При всей широте своих европейских странствий Вячеслав Иванов неизменно возвращался в Италию. Впервые он приехал туда весной 1892 года, чтобы прожить несколько лет, потом, после перерыва, бывал в 1910 и 1913 году, окончательно поселившись, уже до самого конца жизни, в 1924-м. География его поездок еще должна быть восстановлена, но, пожалуй, важнее было бы составить нечто вроде биографо-топографического очерка, где географические, исторические, культурные реалии итальянских странствий оказались бы связаны с событиями как внешней, так и духовной биографии поэта. Не случайно он так напряженно осмысляет в стихах, связанных с Колизеем (I, 521; I, 621; II, 398), свою встречу с Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал,¹ – и такие примеры могут быть умножены.

Однако для воссоздания путей и неразрывно с ними связанных переживаний Иванова прежде всего необходимо определить корпус тех текстов, где так или иначе описаны его итальянские впечатления. Ныне публикуемое письмо представляется в нем немаловажным, и не только по блестящим описаниям, весьма выразительным и тонко передающим дух новой встречи со старым и дорогим, но и потому, что оно написано в очень важный для жизни Иванова период.

Напомним, что в начале 1910 года он оказался одной из вершин прокламированного А. Р. Минцловой “мистического треугольника”,² но в ка-

¹ См. об этом: Шишкин А. Б. Вячеслав Иванов в Италии // Archivio italo-russo / Русско-итальянский архив. Trento 1997, p. 505.

² См.: Carlson Maria. Ivanov – Belyj – Minclova: The Mystical Triangle // Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. Testi in italiano, francese, inglese. [Firenze 1988]. Vol. I; Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Москва 1999, с. 91-110.

кой-то момент решительно с нею поссорился, повергнув ее в глубокое отчаяние и заставив метаться по России, что закончилось загадочным исчезновением (о котором, впрочем, Иванов наверняка узнал далеко не сразу). В составлении планов итальянской поездки Минцлова принимала живейшее участие. Так, 5 мая она писала Иванову: “А теперь о Вашей поездке в Италию. Вячеслав, Вас примут *всегда* там, во всякое время, *одного* Вас (как *отдельное* лицо, а не как центр, который *сейчас* уже не существует – пока...). Но перед этим Вы должны исполнить одно условие – которое не является *моим* своеволием, а *conditio sine qua non* – исполнение *необходимого* требования – т. е. 3-4 недели (3-х достаточно), когда я буду с Вами вдвоем и смогу передать Вам все, что не могла еще досказать из *необходимого* в силу внешних условий”.³

Вместе с тем весной он дважды делает доклад о судьбах русского символизма, впоследствии опубликованный под заглавием “Заветы символизма”,⁴ что вызывает ожесточенную полемику с недавними соратниками по символизму и, соответственно, некоторую перегруппировку сил внутри направления. Не очень понятно, осознавал ли такую возможность сам Иванов, но уже вскорости эта дискуссия была воспринята как важнейший симптом кризиса символизма.

Но вместе с тем для этой поездки были и причины глубоко личные. Уже 13 апреля Минцлова писала Андрею Белому: “Относительно нашего ‘союза’ – мне начинает казаться теперь, что, быть может, лучше будет отложить это до осени (хотя Вячеслав и согласился очень охотно и радостно заехать в Москву по дороге за границу и там увидеть всех братьев

³ РГБ. Ф. 109. Карг. 31. Ед. хр. 5. Л. 5 и об. Как кажется, это письмо, равно как и дальнейшие, опровергают утверждение О. Дешарт (сделанное, видимо, со слов самого Иванова) о том, что Минцлова попыгалась требовать от Иванова обета безбрачия (I, 140). Впоследствии, в августе, она сама собиралась в Италию, чтобы встретиться там с Ивановым и ввести его в круг «посвященных». Ср. в ее письме от 29 июля / 11 августа: “В начале сентября (русского) я Вам телеграфирую в Рим, *poste restante* – из *Ассизи* и попрошу Вас приехать в *Ассизи*, чтобы присутствовать *вместе* со мной в это время – вероятно, это возьмет 3-4 дня, не больше. А дальше – Вы уже сделайте все, как Вам будет <1 слово неразб.>. <...> В Соборе, в *Ассизи*, не будет теперь бывать *никто* из Них, т. к. я это сказала (кроме Вас) *А. Белому* и еще *кому-то*, очевидно.... *потому что об этом говорят* в Москве, и за это я должна буду очень много ответить” (Там же. Ед. хр. 6. Л. 33 об, 34 об).

⁴ Аполлон. 1910. № 8. О различиях доклада и статьи см.: Пяст Вл. Нечто о каноне // Труды и дни. 1912. № 1.

своих). В <вячеслав> сейчас еще не знает, быть может, он останется всю зиму будущую в Италии, в Риме, с Верой”.⁵ Вот как излагает события этой весны авторитетный биограф Иванова О. Дешарт: “Отношения углублялись, осложнялись, душевная близость переходила в любовь. Чувство В. И. к “ее дочери” сделалось противоречивым <...> Девочка, которую он знал с пятилетнего возраста, которую носил на руках, – ей ли стать его женою, занять место ее матери? <...> Как и с ее матерью, все решилось в Риме” (I, 134).

Видимо, глубоко личные переживания заставляли Иванова не слишком афишировать это пребывание в Италии. Знаток творчества и биографии поэта А. Б. Шишкин в статье “Вячеслав Иванов и Италия” путешествии 1910 года даже не упоминает, перечисляя все остальные.⁶ Да и О. Дешарт, путешествие описывавшая, излагает его перипетии неправильно. В основополагающей для каждого ивановеда работе говорится: “Летом 1910 г. В. И. жил в Италии, собирал материалы для книги о Дионисе. Вера приехала к нему из Греции” (I, 134).⁷

На самом деле все обстояло по-другому. Вера Константиновна Шварсалон уехала на научную экскурсию в Грецию под руководством Ф.Ф. Зеллинского 31 мая 1910 года⁸. Иванов же оставался в Петербурге. Цитируем сохранившееся его письмо к падчерице:

8 июня <1910> вторник.

Вера, моя радость! Извини меня. Я боюсь подумать, что ты огорчишься, не найдя в Афинах письма после того, как уже в Константинополе обманулась в надежде найти письмо. При А. Р. мне было тяжело тебе писать, потому что я не мог в точности обозначить день ее отъезда. Она приехала во вторник, на другой день после вашего отъезда, и уехала в

⁵ РГБ. Ф. 25. Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 8 об – 9.

⁶ Шишкин А. Б. Вячеслав Иванов в Италии, с. 504-505.

⁷ С полным доверием эти слова цитировал С. Гардзонио, однако он пронизательно писал: “Хочется даже прочесть в сонете намек на возможное посещение Фьезоле вместе с Верой, и даже огнести к нему влюбленность поэта” (Гардзонио С. По поводу “фэзуланского сонета” Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы международной научной конференции 9-11 сентября 2002 г. Томск-Москва 2003, с. 299). Публикуемое письмо его предположение подтверждает.

⁸ Сведения взяты из подготовленного к печати нами и С. В. Шумихиным дневника М. А. Кузмина за 1908-1915 год.

воскресенье, в Троицын день. Ей нужно было отдохнуть перед поездкой на Север, и мы решили за эти дни начать то, что следует пройти вместе, как ты знаешь. Эти дни с нею не только не были для меня потеряны, но дали мне неожиданно много, как не было давно. Кроме того, я писал стихи. В Троицын день я закончил оба цикла газэл: “о Розе” (7) и о “Башне из Слоновой кости” (3) – всего десять стихотворений, которые, кажется, принадлежат к моим лучшим стихам. “Дионис” начался. Неприятно не только не получать частых известий, но и не знать, где ты в точности. Люди не исчезают с горизонта: сегодня появился Гумилев. Были Тамамшевы. Валерий как-то раскаялся, судя по третьему письму ко мне, где он благодарит меня и косвенно просит уладить дело. Лидии у Аничковых хорошо. Иван Странник написала милое письмо, глубоко деликатное. Сама Лидия пишет очаровательные *comptes rendus*, весьма талантливые, и велит тебе пересылать; но страшно потерять на почте эти милые странички. Сережа, конечно, вздыхал о том, что ты уже уехала, был очень мил, заявил мне, что «будет моим другом, но что по окончании университета имеет больше прав». Без нелепой бороды он поюнея и поумнел. При университете его не оставят. Но он собирается учиться. Взял у меня на лето книжки по философии и специальные инструкции, что изучить. Его программа: Муромцев – прокуратура (для сочинения), Елинек учение о государстве, Логика Минто, главы по Фалькенбергу об англ<ийской> философии, Кант и Гегель. Я живу тою резигнацией и религиозною гармонией, с которыми свыкся. Целую тебя как люблю.

Вячеслав.

Привет рехидору.

Костя хороший. Лечение зубов его еще удерживает от Копорья. Он приводил Колю Иванова. — Мама с тобой.

В Троицын день я получил 11 роз, фиалки и васильки, причем Кассандра заключила свои 3 розы в вазу, представляющую собой три башни, расположенные под прямым углом <рисунк>.

А нынче <?> она прислала мне хорошую фотографию лица Мадонны из *Magnificat* Боттичелли.⁹

⁹ РГБ. Ф. 109. Карг. 10. Ед. хр. 41. Л. 3-4 об. А.Р. – А. Р. Минцлова; Валерий – В. Я. Брюсов (имеющееся здесь в виду письмо касалось инцидента со статьей Г. И. Чулкова “Весы: Некролог”, см.: Литературное наследство. Москва 1976. Т. 85, с. 526-530); Иван Странник – псевдоним жены Е. В. Аничкова; Сережа и Костя – братья В. К.; рехидор – В. Э. Мейерхольд, участвовавший в экскурсии; Копорье – имение родных Л. Д. Зиновьевой-Аннибал; Кассандра – Ал. Н. Чеботаревская.

Сам Иванов уехал в Италию только 31 июля, о чем сообщает запись в дневнике М. А. Кузмина. О дальнейших перипетиях мы узнаем непосредственно из публикуемого письма. В это время В. К. ждала его во Флоренции, видимо, под присмотром В. Э. Мейерхольда, о чем думать заставляет хроникальная заметка: “Возвратился в Петербург В. Э. Мейерхольд. Он вернулся из Греции, где работал в составе научной экскурсии профессора Ф. Ф. Зелинского. После Греции, по которой названная экскурсия путешествовала в течение всего июня месяца, г. Мейерхольд жил некоторое время во Флоренции, изучая материалы, необходимые ему для ближайших постановок”.¹⁰

Адресат письма – близкий друг и домоправительница семьи Ивановых на протяжении долгих лет Мария Михайловна Замятина (1862-1919). Оставшись в Петербурге, она регулярно писала Иванову о быте «башни». Тон первых двух абзацев следует трактовать как иронию, а не действительные серьезные упреки.

Подробный комментарий академического типа к данному письму, как кажется, не является необходимым, настолько оно выразительно само по себе. Письмо хранится: РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 43-45 об.

26/13 Авг<уста> <1910>

Roma, via del Campidoglio, 5

ultimo piano (presso sig. Prospero)

Милая Маруся, почему вы изволите лениться писать? *Этого да не будет!* Всего два письма от вас. *Мало.* Если нет лирического подъема к писанию писем, пусть будет деловая энергия. Или этой последней у вас как раз столько, чтобы тревожить меня выпрашиванием каких-то денег, после того, как из-за вашей финансовой интриги я оказался во Флоренции в дурном положении и должен был отказаться от заезда с Верой в место, куда нам и приятно и нужно было заехать, – а встретившись в Риме неожиданно с Ростовцевыми,¹¹ принужден был просить у них, совершенно издержавшихся, 50 лир займа на три дня, – что было предупреждено

¹⁰ Обзорение театров. 1910. 6 августа. № 1136, с. 8.

¹¹ Михаил Иванович (1870-1952) и Софья Михайловна (урожд. Кульчицкая, 1880-1962) Ростовцевы, давние друзья Иванова. Об их отношениях см.: Бонгард-Левин Г. М., Вахтель М., Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев и Вяч. И. Иванов // Скифский роман / Под общ. ред. академика РАН Г.М. Бонгард-Левина. М. 1997, с. 248-258.

только случайно быстрою высылкою мне сюда 500 фр. из Женевы. Итак, полюбуйте на плоды ваших происков, имеющих явный характер враждебной злонамеренности по отношению к тому, чье бегство из ваших оков вы столь оплакиваете.

На сердце стало легче после этого полемического проемtion, и вместе как-то беззаботнее, ибо ясно, что в качестве истца против вас я не намерен сознавать себя вашим должником и о субсидиях на поддержание и усовершенствование ноева ковчега, что на Таврической улице, думать больше вовсе не буду. Ибо я обижен и так себя утверждаю; а вы живите, питайтесь и множьтесь, как вам угодно. Итак, я перехожу к описанию своих странствий и приключений с легким сердцем рапсода-пролетария.

В Варшаве я переезжал через город и сидел в кафе. До Границы должен был внести серьезную приплату за скорый поезд и место. В Австрии стало впервые тепло и солнечно. По дорогам шли крестьяне в праздничном наряде по случаю Успеньева дня. В Вене веселый извозчик мчал меня весело по венским улицам. Перебравшись на свой вокзал, я отправился на траме в церковь св. Стефана, где была великолепная служба, и слушал проповедь о безрадности современного настроения и обилии самоубийств. На границе жандарм осведомился, по случаю холеры, откуда я, был опечален упоминанием Петербурга и отметил мое имя, занятия, возраст и пр. – слабое утешение! – действительно, был он утешен, узнав, что в Вене я останусь лишь несколько часов. Телеграфировал два раза в Ментону, что останюсь во Флоренции и там буду ждать Веру и чтобы она ответила в Понтеббу. Перед Понтеббой я волновался. Спал сидя и отчасти лежа дорогой, видел днем и ночью <?> <1 нрзб>, а когда рассвело – долины и горы стали блистательны. Но в Понтеббе телеграммы не оказалось, и я помчался в Венецию, попросив начальника станции телеграфировать туда, если депеша еще придет. В Венеции я воспользовался несколькими минутами остановки на вокзале, чтобы опять добиваться телеграммы – и опять без результата. Поехал дальше с душевными итальянцами, угощавшими меня вином, болонским хлебом (самым тонким на свете) и сигарами взамен моих угощений русскими папиросами и вашим вином, которое было найдено хорошим, но слишком крепким. Виды на этой линии <?> очаровательны.

Во Флоренции я остановился в Albergo Patria, где нашел наконец лаконичную телеграмму: “Arriverai mercoledì (т. е. на другой день) sept soir”. Было совсем поздно, когда я пошел гулять по пустынным улицам, к Maria Novella, и сердце томилось несказанно. На другой день, после ванны, я отправился в Академию, где все те же примитивы <?>, и “Весна”, и М. Ан-

джело. Все увидел переменившимся к лучшему, все стало еще богаче и лучше: говорю это про изменения музея. Но я не знал, до какой степени изменился – развился – я сам в отношении эстетического восприятия и жизненного проникновения в тайны настоящего искусства. Я весь задрожал, и слезы у меня потекли из глаз, когда я вдруг увидел целый ряд незаконченных *ébauches* М. Анджело (тогда их еще не было здесь), мимо которых идешь к моему излюбленному Давиду. Ну, и так далее. Из Академии я пошел в очень жаркий день по моим святым местам, всюду, где была Лидия, где жила она, где мы встречались, по *viale Margherita*, в сады у бастионов. На вокзале ждал Веру с двумя розами, которые потом у нас распустились необычайно. Она поселилась в своей старой комнатке, я в другой по соседству. Вечером гуляли и ели мороженое. День ее рождения – четверг – праздновали мы вот как. Сначала пошли в капеллу Медичи, где скульптуры М. Анджело, его «Ночь». Потом в *palazzo Riccardi*, где она еще не была: я показал ей фрески Беноццо Гоццоли, и она была ими счастлива. Потом мы завтракали, сли мороженое, пошли на *Ponte Vecchio* и выбрали ожерелье из маленьких жемчужинок. Потом взяли веттуру и поехали на *Viale dei Colli*, а оттуда в *Cascine*. На нашем историческом местечке в конце кашин было хорошо при луне, которая светила ясно через большие деревья над памятной скамеечкой и далеко серебрила Арно; было тепло, и таинственно-живо, и тосковало сердце. Наконец мы приехали в одну тратторию у *Maria Novella* и весело ужинали. В пятницу мы были в *S. Miniato* (см. «Кормчие Звезды» – «То был не сад...») и во Фиезоле (*ibid.*, «Тризна Диониса»), в руинах театра. И от Юрия Никандровича привет был сказан фэзуланским нимфам.¹² Прекрасно Фиезоле выше описания – и все вообще еще прекраснее, чем я прежде думал и видел. В этот день выяснилось окончательно, что нельзя заехать в Орвието, Перуджию и Ассизи за отсутствием денег. В субботу мы мчались с великолепным поездом в Рим, оба волнуясь, когда кончилась Тоскана и началась Кампанья. Остановиться в Риме задумал я близ Пантеона, там, где город – настоящий, старый, с узкими древними улицами между монументальных *palazzi* и старинных многоэтажных домов. Рим обдал сначала другим, не прежним духом. Какое движение, свет, модернизм, чертова цивилизация!

¹² Ю. Н. Верховский (1878-1956), поэт и филолог, многолетний друг Иванова. Подробнее об их отношениях см.: Лавров А. В. Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы международной научной конференции 9-11 сентября 2002 г. Томск; Москва 2003, с. 194-204. Упоминание о «фэзуланских нимфах» связано с тем, что Верховский перевел поэму Дж. Боккаччо «Фьезоланские нимфы».

Но вот мы переехали через Корсо, у колонны М. Аврелия, и мой Рим – тот же, вот и Пантеон, только намеченный мною отель ремонтируется, и веттурино везет нас в только что открывающийся по соседству на улице Звездочки – в гостиницу “Радуга”. Здесь все, чего только могло желать мое сердце в смысле чистой римской примитивности и наивности. Мы заняли две смежные комнаты – и оказались первыми и единственными обитателями дома старинного, но только что отделанного под *soi disant* “отель”; по счастью <?>, лестницы были мраморные, и мозаики на полу изящны, как античные, а на квадратном дворе день и ночь шумел ключ воды из фонтана Треви, студеный и музыкальный. И все было необычайно чисто и девственно. Но камерьера нужно было вызывать криками со двора, и отхожее место, понятно, помещалось на балконе. Сдавала нам комнаты целая группа друзей дома, ничего не делающих и во всем принимающих живейшее участие. Остановившись, мы пошли на монументальную площадь Piazza Navona с колоссальным фонтаном Бернини, и я убедился, что мой Passetto процветает по-старому, элегантно дает двойные порции макарон, лучших в мире, и что вино Castelli Romani смеется над переменами мод и бегом годов. На другое утро пошли мы с Верой на паломничество в Колизей, вошли по дороге в Пантеон, который ей понравился, как я хотел (а она уже такая многовидевшая стала, что мне странно, – во Флоренции – о чем я забыл выше упомянуть – в день рождения она водила меня с большим знанием по всем Уффициям), ей Пантеон ближе, чем Св. София; зашли и в Минерву взглянуть на “Христа” Микель-Анджело, и скоро поднялись на священную скалу Капитолия. Приведя ее на площадку, откуда открывается удивительный и красивый вид на Форум и Палатин и Колизей вдали, – мы вдруг заметили, что название улицы, не обозначенной ни на каких планах, есть именно *via del Campidoglio*, да вот и дом № 5, прямо господствующий над упомянутой площадкой и всем миром руин, – это тот дом, где жили Ростовцевы и где они хотели поселить Веру:¹³ нужно спросить, нет ли там как раз комнат. Но

¹³ 15 июля С.М. Ростовцева писала В. К. Шварсалон во Флоренцию (видимо, откликаясь на неизвестные нам ее открытки, посланные из Греции): “Если Вы одна, то можно было бы устроить Вас в тех же комнатках, где живем и мы, на Капитолии, франка за два в день. Михаил Иванович все время занят в Институте или на руинах <...> Напишите, когда приедете, как только получите мое письмо на Poste restante. Если выедете сами немедленно, то найдете нас на *Via del Campidoglio*, 5, верхний этаж, можно проехать прямо с вокзала. Как-нибудь устроим, если у Вас нет иных планов и спутников» (Скифский роман, с. 253-254). 20 июля приглашение было повторено.

раньше зайти тут же по соседству в Германский Археологический Институт и узнать о библиотечных часах и пр.¹⁴ Заходим в Институт и – сцена. Портье смеется на меня как на монаха, который проспал 100 лет. Я думал, что есть еще Гюльзен, быть может, даже Петерсен и проч. и проч. *Tempi passati. Neue Zeiten, neue Lieder.* Только доблестный Иоллар все на месте. Случайно спрашиваю, давно ли уехал Ростовцев, – и в ответ: он здесь занимается. Михаил Иванович сбегает вниз – встреча. Они еще два-три дня будут в Риме. Софья Мих<айловна> на *via del Campidoglio* 5. У них одна большая комната за 100 лир. Нам, наверно, дадут две смежных за 80 лир. Вид – единственный. Все века под ногами. Этот дом древнейшими частями принадлежит XIV веку, называется *Casa del Monsignore* и фланкирует Капитолий. Но мы идем раньше в Колизей. Все изменилось. Раскопки чрезвычайно расширились. Все похорошело! Великолепный и сумасшедший Бони (директор раскопок) все сделал иным, чрезвычайно расширив наши представления (вы слышали сами о гробнице Ромула и *lapis niger*), и, кроме того, все украсил, засадив, где можно, голые зияющие места кипарисами, лаврами, олеандрами. Но старого близкого прохода на Колизей нет, и нам пришлось обойти весь Палатин и войти в Колизей через арку Константина.... Потом – потом я устал писать на этот раз. Мы живем в *Casa del Monsignore*. Луна озаряет странно дивное поле веков, которые лежат перед нами, окруженные старинным громоздящимися башнями и церквами городом <так! Н. Б.>. Ростовцевы были очаровательны и все устроили, и очень помогли, и мы вместе все кутили, а С. М. была ученым, даже *ученейшим* гидом, а то не узнаешь – все так переменялось, если и помнишь старое. Целую нежно. *Вячеслав.*

Вера целует, благодарит за ласковый привет по случаю дня рождения, и просим оба прислать мою книгу Cagnat “*Manuel d’*épigraphe romaine*” для Верных занятий.*

¹⁴ См. в “Автобиографическом письме” Иванова при описании первого путешествия в Италию: “Я посещал германский Археологический институт, участвовал вместе с его питомцами («*ragazzi Capitolini*») в обходах древностей, думал только о филологии и археологии и медленно перерабатывал заново, углублял и расширял свою диссертацию <...> Жизнь в Риме привела с собою немало новых знакомств с учеными (вспоминаю, какими они были в ту пору, профессоров Айналова, Крашенинникова, М. Н. Сперанского, М. И. Ростовцева, покойных Кирпичникова, Мождетова, Редина, Крумбахера, славного Дж. Б. де-Росси)...” (II, 19). О круге людей, поименованных здесь, см. также в не раз уже упомянутой публикации в “Скифском романе”.

<Приписки> Письмо долго пролежало на столе. Пришлите программы Раева¹⁵. Напишем очень скоро и дельно.

Много работаю в Институте, отказываюсь от всех почти осмотров. Корректуры не высылаю, п<отому> ч<то> нужны переработки. Жаль, что не проделал всего здесь.

Пожалуйста, из писем моих *ничего* не прочитывайте вслух другим, ни одного пассажира. – Мих. Ал. привет.¹⁶

Пожалуйста, присылайте больше набранного текста и, м<ожет> б<ыть>, вторую половину рукописи прямо без набора – сюда, – но этого я еще не обдумал. Очень трудно работать без своей рукописи. К лекциям я опоздаю *очень*. Начну, должно быть, не 25 окт<ября>, а 2 ноября.¹⁷ Нужно также знать, готовить ли лирику. Целую нежно. В.

¹⁵ Иванов стал преподавателем Высших женских курсов Н. П. Раева в мае того же 1910 года, заместив скончавшегося в ноябре 1909 г. И. Ф. Анненского.

¹⁶ Имеется в виду М. А. Кузмин, живший на башне с лета 1909 г.

¹⁷ Первое из известных нам достоверных известий о возвращении Иванова находим в дневнике М. А. Кузмина 1 ноября 1910 г.